УДК 882: 417.3

ПРИРОДНАЯ СФЕРА МОСКОВСКОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Шурупова О.С.

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Липецкий филиал), Липецк, e-mail: shurupova2011@mail.ru

Данная статья посвящена анализу концептов, участвующих в создании природной сферы Московского текста английской литературы, одного из ведущих городских сверхтекстов отечественной культуры, с точки зрения его концептосферы. Автор подвергает исследованию особенности интерпретации и языковой репрезентации концептов *снег, дождь, дерево, птица*, с помощью которых создается особая сверхтекстовая картина мира, в которой Москва является городом, в котором возможно добиться счастья, связанного с уютным домом, семейным гнездом. Анализ проводится на материале произведений А.И. Куприна, И.С. Шмелева, М.А. Осоргина, А.Я. Чаянова, В.С. Андреева, Л.Ф. Воронковой, Н.М. Артюховой и др. Результаты данного исследования могут быть использованы в процессе дальнейшего анализа как Московского текста русской литературы, так и других городских сверхтекстов.

Ключевые слова: сверхтекст, Московский текст русской литературы, концепт, концептосфера, природа, снег, дождь, дерево, птица

NATURAL SPHERE OF MOSCOW TEXT OF RUSSIAN LITERATURE

Shurupova O.S.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Lipetsk Branch), Lipetsk, e-mail: shurupova2011@mail.ru

The report is devoted to analysis of Moscow text of Russian literature, that is one of the main urban super-texts of the national culture, regarding its concept sphere. The author analyzes peculiarities of interpretation and language representation of the concepts *snow, rain, tree, bird* that help create the special super-text world picture. There Moscow is represented as a city in which happiness, connected with a cosy home and family, is possible. The analysis is carried on the texts by A.I. Kuprin, I.S. Shmelev, M.A. Osorgin, A.Ya. Chayanov, V.S. Andreev, L.F. Voronkova, N.M. Artuhova, etc. The results of this research can be used in further analysis of Moscow text of Russian literature as well as other urban super-texts.

Keywords: super-text, Moscow text of Russian literature, concept, concept sphere, nature, snow, rain, tree, bird

В русле современной антропоцентрической парадигмы науки о языке предметом исследования все чаще становятся так называемые локальные сверхтексты, посвященные городу, «с которым в народном сознании связан тот или иной устойчивый миф, сохраняющийся на протяжении долгого времени» [8, 171]. Так, в число ведущих локальных сверхтекстов отечественной культуры, бесспорно, входит Московский текст русской литературы, который, по мнению большинства исследователей, появился в первой половине XIX столетия и продолжает свое развитие в настоящее время. Первопрестольная столица проявляет в посвященных ей текстах различные, иногда взаимоисключающие друг друга черты. В Московский текст русской литературы вошли произведения В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина, А.Ф. Вельтмана, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, В.С. Филимонова, А.Н. Майкова, А.П. Чехова, И.А. Бунина, И.С. Шмелева, А.И. Куприна, В.Я. Брюсова, А. Белого, М.И. Цветаевой и др.

Характерным признаком Московского текста является не только причудливое разнообразие его мифотектоники и сочетание нескольких мифологем в пределах той или иной составляющей сверхтекста, но и то, что не во всех произведениях, вошедших в него, действие происходит исключительно в Москве. Многие из текстов, связанных с изображением Москвы, могут считаться частью Московского текста на том основании, что содержат в себе определенные его элементы, прежде всего значимые для него концепты, реализующие сходные признаки во всем пространстве данного сверхтекста. Так, пушкинский «Евгений Онегин» и «Война и мир» Л.Н. Толстого, где изображены не только Москва, но и Петербург, и провинция, тем не менее, содержат значимые именно для Московского текста русской литературы концепты, с помощью которых в пределах этих произведений создается особая сверхтекстовая картина московской жизни. Таким образом, данные тексты можно расценивать как содержащие элементы Московского текста и, следовательно, как его составляющие. Московский текст русской литературы отличается большей структурной сложностью и менее строгой определенностью, чем многие другие, но, невзирая на это, возможно достаточно точно определить круг составляющих его текстов XIX–XXI вв.

Материалы и методы исследования

Целью данной статьи является исследование ключевых концептов Московского текста русской

литературы, благодаря которым создается его особая сверхтекстовая картина мира. Концептосферу Московского текста русской литературы можно представить в виде круга, в центре которого находится ядерный концепт сверхтекста, играющий в его смысловой организации первостепенную роль, – концепт *Москва*. Если смысловое пространство большинства локальных сверхтекстов характеризуется бинарностью, то околоядерные и периферийные концепты, как правило, не состоят между собой в отношениях оппозиции, а взаимодополняют друг друга, например, природное начало здесь органично сочетается с культурным. Для Московского текста, как и для других локальных сверхтекстов, особую важность приобретают концепты *природа, культура, свет, тьма, жизнь, смерть*, которые входят в околоядерную зону концептосферы данного сверхтекста. В пределах данной статьи анализу подвергнуты особенности репрезентации и интерпретации концептов *снег, дождь, дерево, птица*, создающих природную сферу сверхтекста.

Результаты исследования и их обсуждение

Концепт *природа* в структуре Московского текста русской литературы оказывается связан с периферийными концептами *река, пруд, дождь, снег, ветер, метель, трава, дерево, птица, лето, осень, зима, весна*. Москва создавалась не вопреки природе, а в согласии с ее законами, и потому природное начало, играя немаловажную роль в жизни героев Московского текста, не является враждебным для них. Здесь человек чувствует себя частью окружающей его природы, жизнь которой он каждый день наблюдает. Так, концепты, связанные с погодными явлениями и временами года, в Московском тексте обычно проявляют положительные стороны. Жизнь в Москве естественна, органична, и все природные явления там закономерны, естественны, благостны. Концепт *снег*, в структуре которого выделяются семантические компоненты «атмосферные осадки», «белые звездообразные кристаллики», «сплошная масса, покрывающая пространство» [7, 164] и который объективируется в текстах с помощью слов *снег, иней, пороша, наст, снежинка*, *сугробы, снежный, снежки, хлопья, мушки, мотыльки* и т.д., приобретает в пространстве сверхтекста достаточно большое значение: «Было начало октября, но в ночь выпало столько *снегу*, как бывает только глухой зимой. Дариньке было с постели видно, как сирень никла под *снегом*, как розовые и голубые астры сияли из-под *сугроба* розовыми и голубыми звездами, *снеговыми* гирляндами свисали ветви берез над садом, а листья винограда, пронизанные солнцем, ало сквозили из-под *снега*. И на этой живой игре – солнца, цветов и *снега* – нежно дышали розы на столике, привезенные докторами, как победа» (Шмелев. Пути небесные); «*Снег* падает густо, и сквозь него сказочны и ярки огни газовых фонарей. И так мягка его пелена, что совсем беззвучно скользят по ней бесчисленные сани» (Куприн. Московский снег); «*Снег* все гуще и гуще, но никто не прячется в подъезд… Даже старушка в рыжей цигейке не уходит домой. Рад **снегу и** ее коротконогий шпиц: он молотит хвостом по ноге хозяйки и довольно фукает черным носом» (Андреев. Город не кончается). Снег в Московском тексте символизирует здоровое, природное начало, определяющее все течение московской жизни. Он либо вызывает у москвичей радость, веселье («Москва» Андрея Белого, «Юнкера» А.И. Куприна, «Лето Господне» И.С. Шмелева, «Город не кончается» В.С. Андреева), либо заставляет их предаться спокойным, неторопливым раздумьям о смысле жизни («Чистый понедельник» И.А. Бунина, «Пути небесные» И.С. Шмелева, «Московский снег» А.И. Куприна, «Старшая сестра» Л.Ф. Воронковой). Зимний снегопад – естественное, закономерное явление, которому радуются жители города и которое предвещает собою хороший год (такое отношение русского народа к зиме и к снегу запечатлелось в приметах: «Зима без снегу – не быть хлебу», «Много снега – много хлеба», «Снегу надует – хлеба прибудет», «Снег вьется до крыши – рожь будет выше», «Снежный год хлеб принесет» и т.д. [3]. Более того, отсутствие снега знаменует собой зловещие перемены в устоявшейся, патриархальной московской жизни: «Надо было лететь в эти дни октября белым *мушкам* и *мотылькам*, устилая дорогу слой на слой. Надо бы детям кидаться *снежками*, чтобы красными были пальчики и за воротом мокро и чтобы пряно пахло мехом шубки, когда вывесит ее мама ближе к печке. Надо бы от глаз к губам перепрыгивать смешливой радости, какую дает первый пушистый *снег*, чистый, вкусный, деловитый и ласковый. Но *снега* все не было. А летали в те дни над Москвой свинцовые шмели…» (Осоргин. Сивцев Вражек).

В блоке Московского текста, объединенном мифологемой «Москвы бесовской», концепт *снег* реализует иную, негативную смысловую сторону, как и в посвященном Петербургу сверхтексте: здесь снег становится «чем-то жутким, сатанинским» [1, 274]. В подобных текстах вновь и вновь появляется образ человека, застигнутого непогодой и вынужденного с трудом отыскивать путь среди метели, сбивающей его с ног: «Федор, окончательно выбившись из сил, прислонился к стене дома и прислушался, как учащенно билось его серд-

це… Падал крупный осенний мокрый *снег*» (Чаянов. Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина…). Снежная буря отражает то, что происходит в душе человека, скитающегося по ночным улицам Москвы. Страсти, охватившие город и его жителей и способные погубить их, воочию являют свою роковую силу – давая волю греховному, бесовскому, неистовому, люди рискуют погибнуть. Однако в большинстве текстов Москва предстает как исполненный гармонии город, жизнь в котором подчиняется мудрым, испытанным временем законам, и концепт *снег* содействует формированию сверхтекста, герои которого неизбежно приходят к осознанию необходимости покориться судьбе, посылающей счастье тому, кто его заслужит.

Это касается и концепта *дождь*, который содержит семантические компоненты «атмосферные осадки», «вода», «множество, большое количество», «изобилие» [6, 417] и получает в структуре Московского текста репрезентацию в словах *дождь, ливень, дождевой*. В Московском тексте чаще всего упоминается не осенний, а весенний или летний дождь, необходимый для появляющейся в это время зелени. Весенний дождь, знаменующий собой пробуждение природы после долгой зимы, стал в пространстве Московского текста своеобразным символом жизни, символом обновления, возрождения человеческой души. Москва вновь и вновь дает своим жителям надежду на достижение счастья, и его своеобразным залогом становится теплый освежающий дождь: «Катилась туча…сдавила и высосала воздух и затопляющим *ливнем* погнала пеструю толпу… Виктор Алексеевич стоял на пустом бульваре, насквозь промокший, сняв свою майскую фуражку и с чего-то размахивая ею, – «приветствовал Божий гром» (Шмелев. Пути небесные); «*Дождь* Замоскворечьем пробежал / И задел Таганку мимоходом. / Сыпал он горохом золотым / На седой асфальт под тополями – / И под *ливнем* выросли зонты, / Словно сыроежки на поляне» (Матвеев. Теплый дождь); «Катя спрятала письмо в сумочку, посмотрела на окно, по стеклам которого суетливо сбегали струйки воды, и снова порадовалась *дождю*, веря, что теперь оживут цветы в их палисаднике… После *дождичка* опять все расцветет, зазеленеет» (Андреев. Красное лето).

Наряду с другими периферийными концептами Московского текста, немаловажное значение для формирования его смыслового пространства имеет концепт *дерево*, получающий в пределах данного сверхтекста объективацию в лексеме *дерево*, а также в ряде видовых наименований деревьев: *тополь, береза, клен, ясень, ель, дуб, яблоня, вишня, липа, рябина, каштан* и т.д. Помимо этого, тесная связь природной и культурной сторон сверхтекстового пространства проявляется в специфичных для Московского текста концептах *сад, парк, сквер, аллея, огород, роща, палисадник*, которые, с одной стороны, входят в состав более крупного концепта *культура*, а с другой – обнаруживают тесные связи с концептом *природа*: «Над «часовенкой» – смутные еще **березы**, с черными *листочками-сердечками*, и что-то таинственное во всем. Пахнет **еловым деревом** по росе и еще чем-то сладким: кажется, зацветают *яблони*… Темный, таинственный, тихий **сад**, черные *листочки берез* над крестиком» (Шмелев. Лето Господне); «…Москвичи испокон веку имеют пристрастие к *скверам*. Это вообще очень московское понятие… Шел-шел среди шума и неразберихи, вдруг – три десятка *деревьев*, клумба, немного лавочек» (Иванов. Тринадцатый год жизни); «В *саду* пахнет *тополем,* весенней сыростью, свежевскопанной землей» (Артюхова. Светлана). Как отмечают исследователи, «важнейшим аспектом мифологии дерева является его устойчивая соотнесенность с человеком… Дерево, как и человек, имеет свой «век», рождается и умирает, переживает периоды расцвета и увядания» [5, 134]. Дерево является «одним из основных элементов традиционной картины мира, моделирующий его пространственные и временные образы» [5, 133]. Следы подобного восприятия деревьев сохранились и в наши дни, ибо в сознании современного носителя языка и культуры концепт *дерево* сближается с такими концептами, как *жизнь, вечность, любовь, счастье* [4, 162].

Не меньшее значение для смысловой организации Московского текста имеет периферийный концепт *птица*, который получает репрезентацию в словах *птица, птенец, ласточка, воробей, скворец, соловей, чиж, реполов, канарейка, голубь* и т.д. По словам Т.З. Бирюковой, приезжавшие в Москву путешественники отмечали, что там водилось очень много мелких певчих птиц [1, 91]. Птицы, которые, несмотря на столичные шум, суматоху, обилие машин, вьют в столице гнезда, стали своеобразным символом Москвы, «странноприимного дома» (Цветаева. «Москва! – Какой огромный…»), где находится место для каждого живого существа. Птицы появляются во многих составляющих сверхтекста, герои которого воспринимают их как предвестников счастья, радости, мира: «В утро Радуницы, во вторник на Фоминой,

я просыпаюсь от щебета-журчанья: **реполов** мой поет! И во всем доме щебет, и свист, и щелканье, – *канарейки, скворцы и соловьи*» (Шмелев. Лето Господне); «Программа *ласточки*, прилетевшей на Сивцев Вражек из Центральной Африки и жившей под окном Танюши, была в общих чертах выполнена. *Птенцы* вывелись, окрепли, научились летать» (Осоргин. Сивцев Вражек). Особенное значение в Московском тексте приобретает концепт *ласточка*: это «чистая, святая птица, наделенная женской символикой… Ласточка уподобляется Божьей Матери» [5, 277], и данная смысловая сторона концепта сочетается с мифотектоникой Москвы как «женского» города, города-девы, который находится под особым покровительством Богоматери. Так, в романе М.А. Осоргина «Сивцев Вражек» ласточка предстает как предвестница весны, счастья, скорого замужества Танюши, под окном которой поселилась эта птица. Своеобразным символом «Москвы сакральной» в текстах И.С. Шмелева становятся голуби, которых любят разводить московские жители и которые, после разрушения прежнего, дорогого сердцам многих из них уклада, остаются единственным напоминанием о прежней Первопрестольной. «…Старые московские *голуби*! наши *голуби*!.. Такие же были и при Грозном, и когда татары жгли Русь… и когда за этими стенами Кремля сидели поляки и умирала Русь!.. Какими мы стали! А они все те же, неизменные!..» (Шмелев. Голуби).

Таким образом, невзирая на видимое разнообразие текстов, объединенных образом Москвы, их можно считать составляющими единого сверхтекста. В большинстве составляющих Московского текста русской литературы XIX–XX вв. преобладают представления о Москве как светлом, теплом, уютном городе, в котором битва между добром и злом вновь и вновь завершается победой добра и жители которого, несмотря на выпадающие на их долю испытания, могут в конце концов обрести счастье, как правило, связанное с домом, семьей, уютным гнездом.

Список литературы

1. Бирюкова Т.З. В Москве-матушке при царе-батюшке. Очерки бытовой жизни москвичей. – М.: Олимп: Астрель: АСТ, 2007. – 446 с.

2. Буровский А.М. Величие и проклятие Петербурга. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 352 с.

3. Круглый год. Русский земледельческий календарь / сост. А.Ф. Некрылова. – М.: Правда, 1989. – 496 с.

4. Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н, Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2002. – 784 с.

5. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Международные отношения, 2002. – 512 с.

6. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985.

7. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1988.

8. Шурупова О.С. Оппозиции концептов жизнь-смерть, сон-явь и вечность-суета в смысловой организации Киевского текста русской литературы // Наука и современность-2013: сборник материалов XXI Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: ООО Агентство «СИБПРИНТ», 2013. – С. 171–174.

References

1. Biryukova T.Z. *V Moskve-matushke pri tsare-batyushke. Ocherki bytovoi zhizni moskvichei* [In Motherland Moscow under Father Tsar. The Sketches of the Moscow Citizens' Everyday Life]. Moscow, 2007. 446 p.

2. Burovski A.M. *Velichie i proklyatie Peterburga* [The Greatness and Curse of Petersburg]. Moscow, 2009. 352 p.

3. *Kruglyi god. Russki zemledel'cheski calendar'* [The Year Round. The Russian Agricultural Calendar], ed. Nekrylova A.F.. Moscow, 1989. 496 p.

4. Russkij associativnyj slovar'. V 2-h t. T.1. Ot stimula k reakcii: Ok. 7000 stimulov / Ju.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimceva, Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasov. M.: OOO «Izd-vo Astrel'», 2002. 784 p.

5. *Slavyanskaya Miphologia. Encyclopedicheski slovar'* [The Slavish Mythology. The Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2002. 512 p.

6. *Slovar' russkogo yazyka. V 4-h tomah. T. 1* [The Russian Language Dictionary], ed. A.P. Evgenyeva. Moscow, 1985. p.

7. *Slovar' russkogo yazyka. V 4-h tomah. T. 4* [The Russian Language Dictionary], ed. A.P. Evgenyeva. Moscow, 1988. p.

8. Shurupova O.S. *Nauka i sovremennost' 2013: sbornik materialov XXI Mezhdunarodnoi nauchno-practicheskoi conferentsyi* [Science and Modernity-2013. Collected Works of XXI International Scientific and Practical Conference], ed. S.S. Chernov. Novosibirsk, 2013, pp. 171–174.

Рецензенты:

Попова Е.А., д.фил.н., профессор, заведующая кафедрой русского языка, ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет», г. Липецк;

Сатарова Л.Г., д.фил.н., профессор кафедры литературы, ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет», г. Липецк.

Работа поступила в редакцию 02.06.2014.